

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ЭСКИМОССКОМ ЯЗЫКЕ

Этимологический анализ эскимосских числительных не раз привлекал внимание исследователей эскимосского языка и этнографии. Раскрытие лексических значений первоначальных основ количественных числительных первого десятка, а также числительных «15» и «20» указывает на их образование от именных и глагольных основ, которые в качестве самостоятельных слов употреблялись в языке еще до появления числительных в их современном виде. Кроме того, этимология числительных приводит к выводу о том, что в их основе лежат слова, общие для всех эскимосских диалектов, разбросанных ныне на обширных арктических пространствах.

Мы отмечали ранее, что, несмотря на чрезвычайную раздробленность и длительную изолированность эскимосских диалектов, в них сохранилось значительное количество слов, содержащих и поныне первоначальное общее лексическое значение и одинаковый звуковой облик¹. К таким общим по происхождению и значению словам относятся и имена числительные, образовавшиеся в языке, повидимому, еще в период территориальной общности эскимосских племен. Этимологический анализ числительных свидетельствует также о том, что к периоду их образования в эскимосском языке наличествовал не только богатый словарный запас, но и в достаточной степени развившийся грамматический строй, элементы которого явились основанием формального выражения этой категории слов.

Выдающийся датский исследователь эскимосского языка и этнографии В. Талбицер в работе «Числительные в эскимосском языке»² дал интересное и обстоятельное описание системы числительных и их этимологии в языке гренландских эскимосов в сравнении с отдельными диалектами реки Макензи и Аляски. В. Талбицер подробно описал способы эскимосского счета до «20» и показал, что в основе его лежит пятеричная система, обусловленная счетом на пальцах рук и ног³. Главной задачей В. Талбицера в указанной работе было доказательство того, что в основе эскимосских числительных нет каких-либо элементов неэскимосских или праэскимосских слов, и что эскимосские числительные образовались внутри первоначального языка, общего для всех эскимосских племен⁴. С этими отправными положениями В. Талбицера можно согласиться,

¹ См. Г. А. Меновщиков, Об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда эскимосского языка (по материалам эскимосских диалектов), сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языковедению», М., 1952.

² W. Th al b i t z e r, The Eskimo numerals, «Journal de la Société finno-ougrienne», XXV, Helsingissä, 1908.

³ См. там же, стр. 6.

⁴ См. там же, стр. 24.

отметив, однако, что к моменту дробления эскимосских племен на мелкие территориальные группы наименования числительных первого десятка окончательно еще не установились. Возникнув в период территориальной общности эскимосских племен от общих слов, числительные различных диалектах. На эти особенности указывает как материал, приведенный В. Талбицером, так и материал по числительным диалектов языка азиатских эскимосов, впервые в сравнительном плане публикуемый в настоящей статье.

Сравнительное изучение лексики многочисленных территориальных диалектов эскимосского языка имеет большое значение не только для выводов о степени родства эскимосских племен, но и дает материал для установления путей исторического развития их древнейшей культуры, миграции и территориального дробления. Эти положения в известной мере подтверждаются новейшими данными из области изучения материальной культуры различных периодов истории древнего эскимосского общества¹.

В какой мере сохранилась лексическая общность в области числительных, а также из каких компонентов образовались числительные в диалектах языка азиатских эскимосов, мы и попытаемся показать в нижеследующем изложении, привлекая сравнительные материалы по числительным из языка гренландских и аляскинских эскимосов, а также частично из алеутского языка.

Описание системы числительных и их этимологий в эскимосских диалектах, как нам представляется, даст ценный сравнительный материал для курсов общего языкознания, читаемых в университетах и институтах, а также для языковедов, разрабатывающих вопросы сравнительного языкознания.

Количественные числительные от «1» до «10» в чаплинском (ун'азиг'мит) диалекте имеют следующее формальное выражение: «1» — *атасик'*, «2» — *малг'ук*, «3» — *пин'ают*, «4» — *стамат*, «5» — *талг'имат*, «6» — *аг'винлык*, «7» — *маг'раг'винлык*, «8» — *пин'аюныи'* *ин'люлык*, «9» — *стаманыи'* *ин'люлык*, «10» — *к'уля*.

Количественные числительные от «11» до «19» (исключая числительное «15») представляют собой сложные синтаксические сочетания числительного «10» с наименованиями единиц и деепричастной формы слова *сипнык'лгюку* «слишком», ср.: «11» — *к'улям² атасик' сипнык'лгюку*, «12» — *к'улям малг'ук сипнык'лгюкык*, «14» — *к'улям стамат сипнык'лгюки*, «15» — *к'улям талг'имат сипнык'лгюки* (также *акимиг'ак'*), «16» — *к'улям аг'винлык сипнык'лгюку*, «17» — *к'улям маг'раг'винлык сипнык'лгюку*, «18» — *к'улям пин'аюныи'* *ин'люлык сипнык'лгюку*, «19» — *к'улям стаманыи'* *ин'люлык сипнык'лгюку*, «20» — *югинак'*.

Количественные числительные от «21» до «29» образуются посредством сочетания количественного числительного «20» с наименованием единиц и прибавлением слова *сипнык'лгюку* «слишком», ср.: «21» — *югинак' атасик' сипнык'лгюку*, «22» — *югинак' пин'аюныи'* *ин'люлык сипнык'лгюку* и т. д.

¹ См.: K. Birket-Smith. Present status of the eskimo problem, Indian Tribes of Aborigines America «Proceedings and Selected Papers of the XXIX-th International Congress of Americanists», Chicago-Illinois, 1952; С. И. Руденко, Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема, М.—Л., 1947. В указанном труде С. И. Руденко имеется подробный перечень источников по эскимосской проблеме.

² Компонент *-м* при слове *к'уля* «десять» является суффиксом относительного (Relativ) падежа. Здесь указывается на одностороннюю притяжательную связь двух имен.

Количественное числительное «30» образуется из сочетания числительных «20» и «10» с добавлением слова *синнык'лгыюк* «слишком».

Наименования количественных числительных десятков от «40» до «100» обозначаются следующим образом: «40» — *югымалг'у* (от слитного сочетания слов *югык* «два человека» и *малг'ук* «два»), «50» — *югымалг'у к'уля синнык'лгыюк* «сорок два человека слишком», «60» — *юк пин'аю* «человек три (тройка)», «70» — *юк пин'аю к'уля синнык'лгыюк* «шестьдесят человек слишком», «80» — *юк стама* «человек четыре (четверка)», «90» — *юк стама к'уля синнык'лгыюк* «семьдесят человек слишком», «100» — *юк талгима* «человек пять (пятерка)».

В. Талбицер выражает сомнение относительно наличия у эскимосов Гренландии счета свыше «20». Он утверждает, что счет, превышающий «20», для многих эскимосов представляет надуманное понятие¹. При записи числительных в языке азиатских эскимосов в 1948 г. и вторично в 1954 г. нам удалось установить, что многие пожилые эскимосы, не знающие русского языка, совершенно свободно считали до «100» и более на своем родном языке.

Числительные от «1» до «10» этимологически связаны с рукой, числительное «10» и наименования всех последующих десятков и сотен связаны с понятием «человек» (исключая в отдельных диалектах числительное «15» — *акимизак'*). В некоторых диалектах счет от «11» до «19» связан также с ногой (переход счета по пальцам с рук на ноги). В процессе счета постоянно используются слова, связанные с обозначением действий, относящихся к рукам и ногам. Ниже даются этимологии числительных у азиатских эскимосов, причем этимологии числительных «1», «3», «4» отличаются от этимологий В. Талбицера, впервые этимологизируется числительное «15» и все числительные второго десятка в трех диалектах языка азиатских эскимосов.

«1» — *атасик'* образовалось из сочетания именной основы *ата* «отец, глава чего-либо» и суффикса орудийного значения *-сик'*. От основы *ата* образовались также слова *атанык'* «глава, начальник, старший; основная балка в жилище», *атама* «дядя», «дедушка» (диалект Барроу)² и др. Суффикс же *-сик'* во всех эскимосских диалектах является весьма продуктивным и образует целый ряд слов с орудийным значением, ср.: *игак'* «письмо» — *игасик'* «карандаш»; *к'аюк'* «чай» — *к'аюсик'* «чашка»; *к'ыпх'ак'* «работа» — *к'ыпх'асик'* «орудие труда, механизм» и т. п.

Слово *атасик'* первоначально могло, повидимому, означать «главный, ведущий, начальственный». Такое предположение становится вероятным при последующем счете. Эскимосский счет до десяти сопровождается загибанием пальцев сначала левой руки, затем правой, при этом каждое число до десяти получает соответствующее наименование в зависимости от положения пальцев (но названия самих пальцев при наименовании числительных не принимаются во внимание).

В. Талбицер в указанной выше работе дает другую этимологию числительного *атасик'*. Он полагает, что *атасик'* (*ата^u 'useq*) восходит к глагольной форме *атаунга* «я соединяю, делаю что-либо». Но такая этимология представляется неубедительной уже потому, что само слово *атаунга* «я соединяю, делаю что-либо» (или *атавог* «он один соединен с чем-либо») является производным от основы *ата* (*ата*), которая в современном эски-

¹ См. W. Thalbitzer, указ. соч., стр. 9.

² Все названия числительных и другие лексические примеры в латинской транскрипции, не относящиеся к языку гренландских эскимосов, заимствованы автором из книги Д. Дженнеса (D. Jenness, Comparative vocabulary of the Western Eskimo Dialects, «Report of the Canadian Arctic Expedition 1913—18», vol. XV: «Eskimo language and technology», Ottawa, 1928).

мосском языке означает «отец». В эскимосском языке любое имя в функции сказуемого преобразуется в глагол, поэтому форму слова, подобную *ataunga*, можно образовать и от любого числительного; ср. в языке азиатских эскимосов: *атасигун'а* «один я есть», *малг'урук'ун'* «двое мы есть» и т. п. Числительное *атасик'* является, несомненно, производным словом от *ата* «отец, глава» и по своему происхождению от указанной основы стоит в одном ряду с такими словами, как *атанык'* «главный, начальник, главный столб», *атата* «дядя» и им подобными производными словами от основы *ата*, которая первоначально означала, повидимому, понятия «начальный, главный, являющийся основанием чего-либо».

«2» — *малг'ук* образовалось от основы *малик* «следовать за чем-либо», от которой в большинстве эскимосских диалектов происходит глагол с указанным значением (ср. в чапл. диалекте *малигутап'ук'* «идет следом», *маликтик'ук'* «следует за кем-либо, догоняет», в гренл. *malippa* «следует за ним», в диалектах Барроу, Макензи, Коронации *maliktoq* «следует за чем-либо») ¹.

В. Талбицер считает, что в основе слова *малг'ук'* «2» лежит слово *malik* «волна», которое в этом значении употребляется в гренландском диалекте, а также в диалектах Барроу, Макензи (*mäl'ik*) и диалекте Валес (*mölik*) ². В азиатских диалектах эскимосского языка слово *малик* в значении «волна» утратилось. Как и при образовании числительного «1» *атасик'*, В. Талбицер исходит здесь от именной основы *малик* «волна», являющейся, повидимому, производной от глагольной основы *малик* «следовать за чем-либо». Трудность установления первичности или производности значений основ «волна» и «следовать» заключается в том, что основа *малик* в данном случае морфологически не расчленяется. Так или иначе понятия «волна» и «следовать» образуются, несомненно, от одной основы *малик*, так как во всех глагольных формах конечный *-к* этой основы не выпадает, а сохраняется или получает соответствующее чередование (ср. *маликтик'ук'* «догоняет», *малигутап'ук'* «идет следом», или в том же значении в указанных выше диалектах Барроу и Макензи — *maliktoq*) ³.

Исходя из того, что все имена, обозначающие какое-либо действие, движение или состояние, в эскимосском языке, как правило, являются производными от глагольных основ, мы считаем более убедительным образование числительного «2» *малг'ук* от усеченной основы *малик* «следовать за чем-либо». Вполне вероятно, что при образовании числительного *малг'ук* от основы *малик* «следовать за чем-либо» с присоединением суффикса *-г'у* (в двойственном числе *-г'ук*) произошло стяжение основы, в результате которого конечный глухой *-к* при встрече с последующим звонким увулярным *-г'* получил озвончение (явление регрессивной ассимиляции), а затем выпал. Гипотетически образование числительного *малг'ук* представляется в следующем виде: *малик + г'ук > *маликг'ук > *малигг'ук > малиг'ук > малг'ук*. Две последние формы сосуществуют в различных эскимосских диалектах. Выпадение гласного *-и* в основе слова *малг'ук* отмечается в большинстве диалектов, тогда как в диалектах нунивакском и инглетатском сохраняется подногласная форма *малигг'ук*. В диалектах имакликском (Большой Диомид), Малый Диомид и гренландском образовалось своеобразное явление метатезы, где слово *малигг'ук > малг'ук* «2» приняло форму *маг'люк*, т. е. произошла перемена местами звуков *-лг' > -г'л*.

Что касается наличия в эскимосском языке суффикса *-г'у/-г'о*, то В. Талбицер в указанной выше работе убедительно показывает его слово-

¹ См. Д. Дженнес, указ. соч., стр. 74.

² См. там же.

³ См. там же.

образующую роль на целом ряде примеров: ср.: *amaroq* «волк», *iteroq* «плохая моча», *taleroq* «передняя лапа», *al-eroq* «челюсть», *qo-roq* «долина; морщина» и др. При этом следует иметь в виду, что увулярный конечный *-k'(-q)* указывает обычно на единственное число предмета, а конечный заднеязычный *-k* выступает показателем двойственного числа, поэтому числительное *malg'uk* «2» оформляется этим показателем.

То, что числительное *malg'uk* образовалось от основы *малик* «следовать за чем-либо» (ср. *малихтик'ук'* «догоняет», *малигута'ук'* «идет следом», то же в гренландском *malipra* «следует за ним»), является убедительным также и при рассмотрении слов «следовать» и «волна» в плане их семантического значения, так как сам процесс колебания волн, «следования» их одна за другой, представляет собою понятие, близкое глаголу «следовать». Это же явление мы наблюдаем и при счете: *amasic'* «1» (загибается первый палец левой руки), *malg'uk* «2» («второй за первым следует», загибается второй палец) и т. д.

«3» — *nun'aom* не поддается вполне точной этимологизации. В. Талбицер считает, что числительное *nun'aom* (*pingajut* > *pingasut*) образовалось от основы *pingo*, *pingutaq* «холм», но такая этимология является сомнительной потому, что в основе слова *нын'утаг'* (**нын'у* «холм») и в основе числительного *nun'aom* «3» мы имеем разные фонемы *-ы* и *-и*, которые графически не различаются в гренландской транскрипции Талбицера, что и приводит его к указанному толкованию этимологии этого числительного.

Весьма возможно, что числительное *nun'aom* «3» образовалось от корневого слова *ни-*, которое в современном эскимосском языке в оформленном и неформальном виде стало выражать целый ряд понятий, означающих то или иное действие. Так, основа *ни-* выражает понятия «действовать, идти, говорить, быть». Глаголы, образованные от основы *ни-*, могут выступать также в значении заместителей лексически самостоятельных глаголов в целях избежания повторения.

Если предположить, что основа *ни-* в прошлом обладала также и именным значением, то второй форматив числительного *nun'aom*, а именно — форматив *-н'а*, можно рассматривать как притяжательный (ср., например, притяжательные формы существительных *панан'а* «копые его», *тафсин'а* «пояс его», где суффикс *-н'а* указывает на принадлежность предмета кому-либо). Остается неясным значение суффикса *-юм (-jut)*, *-сюм (sut)* в числительном *nun'aom* > *nun'асюм*. В. Талбицер в цитируемой выше работе указывает, что суффикс *-сут/-jut* представляет собою окончание архаической формы причастий гренландского языка — *juq/-suq*, оформленное показателем множественного числа *-t*, однако в подтверждение наличия такой причастной формы он приводит притяжательную форму числительного *nun'aom*, выступающую в значении порядкового числительного, которая совсем не раскрывает причастного значения указанного суффикса (см. *pingajuat*, что В. Талбицер переводит как «то, что является от двух третьих»).

Таким образом, в числительном *nun'aom* > *nun'асюм* не выявляются четкие морфологические показатели, которые могли бы способствовать точной его этимологизации.

«4» — *стамат* (ср. науканский диалект *ситамат*, кускоквинуемский диалект *стауман*, гренландский и Барроу диалекты *сисамат*) по своему образованию восходит, повидимому, к глагольной основе *ста-* > *сита-* > *сисд-* «скатываться, скользить вниз», что в полной мере соответствует положению четвертого пальца руки, который оказывается «скатывающимся» по отношению к среднему (при счете третьему) пальцу руки, с какой бы стороны ее не начинался счет. В языке азиатских эскимосов от основ

ста- образуются слова *стак'ук'* «скатывается, скользит», *стаг'ак'* «скатывание»; в гренландском — *sisuvog* «скатывается, скользит». От этой же основы подобные слова образуются и в других диалектах. Морфема *-ма* в числительном *стамат*, как можно предполагать, восходит к слову *ма* «окружающая местность, окружающее пространство».

В нашей статье «Указательные местоимения в эскимосском языке»¹ было уже показано, что многие слова, обозначавшие первоначально различного рода пространственные понятия, обладали свойством вступать в соединения и образовывать таким образом сложные слова. Одним из таких компонентов и было слово *ма* «окружающая местность, окружающее пространство», которое как самостоятельное встречается и в современном эскимосском языке. Следовательно, соединения основ *ста-* и *ма-* с последующим оформлением их суффиксом множественного числа *-т* и явилось основанием для образования числительного *стамат* «4», которое выражало, повидимому, понятие «пространство для скатывания» или просто «скатывающиеся». При этом весьма вероятным является предположение и о том, что морфема *-ма*, имевшая первоначально только пространственное значение, в связи с постепенным развитием грамматического строя языка абстрагировалась и стала выражать также значение прошедшего времени в глаголах (ср. суффикс прошедшего времени *-ма*, как, например, в глаголах *игамак'* «писал», *итх'ума́к'* «вошел» и др.).

В. Талбицер в указанной выше работе не дает этимологии числительного *стамат* > *ситама́т* > *сисама́т*, ссылаясь на то, что он не нашел в эскимосских словарях значения основы *sita* (ср. азиатск. диалект. *-ста* > *-сита* «скатываться»). Однако он высказывает предположение, что основа *sita*, может быть, имеет отношение к гренландской основе *sèrtoq* «колено» и к основе *sitqoq* с тем же значением в западных диалектах эскимосского языка (Барроу, Макензи и др.). Ссылка В. Талбицера на слово *sitqoq* «колено» представляет интерес в том смысле, что оно, несомненно, восходит к основе *ста* > *сита*, но именно эта основа с ее лексическим значением «скатываться, скользить» должна приниматься во внимание при этимологии числительного *стамат* «4», так как, во-первых, слово *sitqoq* «колено» является самопроизводным от указанной основы, а во-вторых, понятие «скатывающиеся» или «скатившиеся» соответствует как семантике слова *стамат*, так и положению пальцев при счете, так как четвертый палец руки по сравнению с третьим (средним), как было отмечено выше, находится в положении «ската».

«5» — *талъимат* образовалось от сочетания слова *талъик'* «рука» и морфем *-ма* и *-т*, на значение которых было указано выше (см. этимологию числительного *стамат* «4»). Такую же этимологию этого числительного, но без указания значения морфемы *-ма* первоначально дал в упомянутой выше работе В. Талбицер для языка гренландских эскимосов и позже В. Г. Богораз для языка азиатских эскимосов².

«6» — *аг'винлык'* по своему образованию восходит к основе *аг'винлык'* «переход, переправа, переезд» (а также «перешедший, переправившийся, переехавший»). С присоединением суффикса *-лык* (со значением «имеющий, обладающий») к основе *аг'винлык'* образовалось числительное *аг'винлык'* «6», что буквально означает «переход имеющий». При образно-описательном эскимосском счете слово *аг'винлык'* «переход имеющий» означает то, что счет пальцами на одной руке закончен и переносится на другую руку.

¹ Г. А. Меновщикова, Указательные местоимения в эскимосском языке, ВЯ, 1955, № 1.

² В. Г. Богораз, Юитский (азиатско-эскимосский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934.

Именно первый загнутый палец на другой руке и будет означать числительное *аг'винлык* «6». От неформленной основы *аг'ви-* «переходить» образуется ряд производных слов, подтверждающих правильность этимологии этого числительного; ср.: *аг'вик'ак'* «пролив, водораздел»; *аг'виг'вик* «переправа (место), переход (место), брод»; *аг'виг'ак'ук'* «переправляется через что-либо» и др. Первыми этимологию числительного *аг'винлык* дали В. Г. Богораз и В. Талбицер.

«7» — *маг'раг'винлык* представляет собою в языке азиатских эскимосов слияние числительных *малг'ук* «2» и *аг'винлык* «6», что буквально означает «второй имеющий переход», т. е. второй загнутый при счете палец на другой руке. То, что в слове *маг'раг'винлык* слились два слова *малг'ук* и *аг'винлык*, доказывается простым сравнением этого же сочетания слов, обозначающих числительное «7» в западном диалекте гренландского языка, где это сочетание слов имеет обратный порядок: *arfinelit marluk*, дословно: «шесть два», что буквально означает «переход имеющий два», т. е. два загнутых при счете пальца на другой руке.

В науканском диалекте языка азиатских эскимосов числительное «7» обозначается раздельно двумя словами, при этом слово *малг'ук* «2» имеет форму творительного падежа, а слово *аг'винлык* — форму абсолютного падежа; ср.: *малг'угнын' аг'винлык* «7», что буквально означает «вторым переход имеющий», а дословно: «с двумя шесть». Сходную с науканской форму числительного «7» наблюдаем и в имакликском диалекте; ср.: *маг'логнын' аг'винилит*, тогда как в аляскинских диалектах встречаем форму этого числительного *малг'улигын* «7».

«8» — *пин'аюнын' ин'люлык*, буквально означает «третьим пару имеющий», т. е. третий палец на другой руке при счете. Вторая рука, на которую перешел счет, выступает парой для первой.

«9» — *стаманын' ин'люлык*, буквально означает «четвертым пару имеющий», т. е. четвертый палец на другой руке при счете.

Необходимо заметить, что в других диалектах, в том числе науканском и имакликском, числительное «8», а в гренландском и «9» образуются по типу числительного «7», т. е. посредством сочетания числительных «2» и «3» со словом *аг'винлык* «имеющий переход»; ср.: наук. диалект *пин'аюнын' аг'винлык* «8», *стаманын' аг'винлык* «9»; имакл. диалект *пинасюнын' аг'винилит* «8»; гренл. диалект *arfineq marluk* «7», *arfineq pingasut* «8», *arfineq sisamat* «9».

Числительное «9» в науканском, нунивакском и ряде других эскимосских диалектов, в отличие от чаплинского (*ун'азиг'мит*) и гренландского, образуется от числительного *к'уля* > *к'улит* «10» посредством грамматической формы отрицания; ср. в науканском диалекте *к'ули'угутнили'ук'* «десяти не имеющий», т. е. «9», в диалектах нунивакском и Барроу *qolinorotailinit*, в кускоквинумском диалекте (Аляска) *qulinuneri-taran* и т. д.

«10» — *к'уля*, буквально означает «верх, верхний»¹. Числительное *к'уля* «10» получило различное оформление по диалектам: у азиатских эскимосов *к'уля*, гренл. *qulin*, *qulit*, Макензи *qulit*, Аляска *qoln* и т. д. Слово *к'уля* «верх» в период образования числительных было использовано для обозначения числительного «10», повидимому, потому, что при окончании счета на пальцах рук считающий одновременно с произношением слова *к'уля* поднимал обе ладони вверх или ладонью правой руки покрывал поднятые вверх пальцы левой руки. Манера подобного счета на пальцах рук сохранилась и до настоящего времени у азиатских эски-

¹ См. эту же этимологию числительного «10» в указанных сочинениях В. Талбицера и В. Г. Богораз.

мосов, особенно у стариков, с которыми автору приходилось сталкиваться при записывании текстов.

Слово *к'уля* со значением «верх» особенно часто употребляется в эскимосском языке в косвенных надежных формах и в значении послелога, как, например, в предложении: *Найг'ам к'ули'ани тын'ааг'ук' к'ауах-пак* «Над горой летит орел» (*к'ули'ани* «на верху ее» — лично-притяжательная форма слова *к'уля* «верх» в местном падеже, которая в сочетании *найг'ам к'ули'ани* буквально означает «горы на верху ее»).

Числительные количественные от «11» до «19», как было показано выше, образуются путем сочетания числительного «10» с единицами и прибавлением слова *сипнык'лэюку* «слишком». Исключение составляет числительное «15», которое обозначается как одним словом *акимигаг'*, так и сочетанием *к'улям талзимат сипнык'лэюки* (дословно: «десять пять слишком»).

Иначе образуются количественные числительные второго десятка в языке гренландских эскимосов. Количественные числительные от «12» до «15» в гренландском образуются от сочетания единиц с числительным *арганек* «11»¹ (буквально: «нижний, спустившийся вниз»; ср. *аргавоэг* «является нижним», *аргарпоэг* («идет вниз, спускается»): *арганек марлук* «12» (дословно: «нижний два»), *арганек пингасут* «13», *арганек сисамат* «14», *арганек талимат* «15».

«15» — *акимигаг'* (*акимигаг' > акимиаг*) не имеет точной этимологии. Возможно, что это числительное образовалось от основы *аки* «предмет для обмена; цена, плата» с последующим наращением суффикса *-мига(к')*, *-миа(к')*, *-мик*, значение которого, по видимому, утратилось, так как в имеющихся эскимосских словарях и грамматиках не обнаруживается слов с таким суффиксом. Можно предполагать, что слово *акимигаг'* в древнейший период языка обозначало какую-то меру предметов, предназначенных для обмена. Такое предположение подтверждается наличием целого ряда производных слов, образующихся от основы *аки*, в которых во всех случаях в той или иной степени сохраняется ее семантика; ср. *акилсиак'* «плата за услуги», *акикак'а* «продает что-либо», *акилпыгаг'вик* «место торговли, магазин», *акилпыгаг'ак'ук'* «торгует», *акилыг'тусян'ак'ук'* «получает плату» и т. п.

Необходимо заметить, что числительные количественные от «6» и выше по-разному образуются в отдельных диалектах эскимосского языка. Общей основой счета остается понятие «человек», а способ образования отдельных количественных числительных различается. Так, например, в науканском диалекте, в отличие от чаплинского, счет до «30» имеет следующее морфологическое выражение: «1» — *атастик'*, «2» — *малг'ук'*, «3» — *пин'аут*, «4» — *ситамам*, «5» — *талзимат*, «6» — *аг'винык* («переход имеющий»), «7» — *малг'угныи аг'винык* («вторым переход имеющий»), «8» — *пин'аюныи аг'винык* («третьим переход имеющий»), «9» — *к'ули'угуттилин'ук'* («десяти не имеющий»), «10» — *к'улит* («верхние»), «11» — *атх'анилык* («спуск имеющий»)², «12» — *малг'угныи атх'анилык* («вторым спуск имеющий»), «13» — *пин'аюныи атх'анилык* («третьим спуск имеющий»), «14» — *акимегуттилин'ук'* («пятнадцати не имеющий»), «15» — *акимек'*, «16» — *акимек' атасимын'* («пятнадцать с одним»), «17» — *акимек'*

¹ В некоторых диалектах эскимосского языка (Макензи, западногренландском и др.) числительное «11» выражается также словом *исиканек*, образовавшимся от основы *итигаг' > исигаг'* «нога». Суффикс *-нег* в данном случае придает этому слову значение «ножной» или «соотнесенный к ноге», т. е. характеризует перенесение счета по пальцам с рук на ноги, так же как и в слове *арганек* (см. об этом W. Thalbitzer, указ. соч.).

² Слово *атх'анилык* «спуск имеющий» (от глагольной основы *атх'а-* «спускаться») в данном случае указывает на переход счета от пальцев рук к пальцам ног.

малг'угнын' («пятнадцать с двумя»), «18»— *акимек' пин'аюнын'* («пятнадцать с тремя»), «19»— *югинагутнилн'ук'* («двадцати не имеющий»), «20»— *югинак'* («весь человек»), «21»— *югинак' атасимын'* («двадцать с одним»), «22»— *югинак' малг'угнын'* («двадцать с двумя»), «23»— *югинак' пин'аюнын'* («двадцать с тремя»), «24»— *югинак' ситаманын'* («двадцать с четырьмя»), «25»— *югинак' талгиманын'* («двадцать с пятью»), «26»— *югинак' аг'винлымын'* («двадцать с шестью»), «27»— *югинак' малг'угнын' аг'винлымын'* («двадцать с семью»), «28»— *югинак' пин'аюнын' аг'винлымын'* («двадцать с восемью»), «29»— *югинак' к'улн'угутнилыгмын'* («двадцать с девятью»), «30»— *югинак' к'улмын'* («двадцать с десятью»).

Как следует из сравнения, в науканском диалекте числительные второго десятка «11», «12», «13» образуются не из сочетания десятков и единиц, как в чаплинском диалекте, а описательно, посредством употребления слова *атх'анилык* «спуск имеющий» («11») и присоединения к нему наименований единиц («12», «13»). Иначе образуются также числительные «14» (*акимегутнилн'ук'* «пятнадцати не имеющий»), «16», «17» и «18». Последние три числительных представляют собою сочетания числительного «15» с единицами («16»— *акимек' атасимын'* «пятнадцать с одним» и т. д.). Весьма характерным для этого диалекта является то, что к четным десяткам присоединение единиц осуществляется непосредственно, а к нечетным десяткам посредством присоединения наименований числительных второго десятка от «11» до «19»; ср.: «30»— *югинак' к'улмын'* «двадцать с десятью», «31»— *югинак' атх'анилык* «двадцать с одиннадцатью», «32»— *югинак' малг'угнын' атх'анилык* «двадцать с двенадцатью», «33»— *югинак' пин'аюнын' атх'анилык* «двадцать с тринадцатью», «34»— *югинак' ситаманын' атх'анилык* «двадцать с четырнадцатью», «35»— *югинак' акимек'* «двадцать пятнадцать», «36»— *югинак' акимек' атасимын'* «двадцать пятнадцать с одним» и т. д.

Что же касается наименований десятков от «40» и выше, то они имеют следующее выражение: «40»— *малг'ум ипе* «двух (человек) содержание», «50»— *малг'ум ипе к'улмын'* «двух содержание с десятью», «60»— *пин'аюм ипе* «трех содержание», «70»— *пин'аюм ипе к'улмын'* «трех содержание с десятью», «80»— *ситамам ипе* «четыре содержание», «90»— *ситамам ипе к'улмын'* «четыре содержание с десятью», «100»— *талгимам ипе* «пяти содержание», «200»— *к'улым ипе* «десяти содержание», «300»— *акимег'ым ипе* «пятнадцати содержание», «400»— *югиным ипе* «двадцати содержание», «1000»— *камлютым имах'ка*.

Своеобразные отличия в счете от «6» до «20» при сравнении с другими диалектами имеются также в сирениковском диалекте языка азиатских эскимосов, впервые записанном нами в 1954 г. Количественные числительные этого диалекта представляют следующую картину: «1»— *атыг'ысыг'*, «2»— *малг'ух*, «3»— *пин'юух*, «4»— *ситымын'ий*, «5»— *тасымын'ий*, «6»— *ин'лык* «другая сторона», «7»— *малг'уг'ныг' ин'лыкыг'ых* «вторым на другой стороне», «8»— *пин'югнын' ин'лыкыг'ых* «третьим на другой стороне», «9»— *ситымынын' ин'лыкыг'ых* «четвертым на другой стороне», «10»— *тасихта*, «11»— *унгаму* «к низу», «12»— *унгаму малгух* «к низу два», «13»— *унгаму пин'юух* «к низу три», «14»— *унгаму ситымый* «к низу четыре», «15»— *итхым ин'лык* «ступни другая сторона», «16»— *итхым ин'лык атыг'ысыг' сигнык'ылку* «ступни другой стороны один с остатком», «17»— *итхым ин'лык малг'ух сигнык'ылку* «ступни другой стороны два с остатком», «18»— *итхым ин'лык пин'юух сигнык'ылку* «ступни другой стороны три с остатком», «19»— *итхым ин'лык ситымый сигнык'ылки* «ступни другой стороны четыре с остатком», «20»— *югинах'* «человек полностью».

В отношении счета от «20» до «100» и выше следует заметить, что в струк-

турном отношении он имеет также известные особенности в разных диалектах, но там уже вступают в силу различного рода синтаксические сочетания этимологизированных нами количественных числительных первых двух десятков.

Характерно, что в сирениковском диалекте переход счета от первого ко второму десятку (от рук к ногам) осуществляется от «11» до «14» посредством указательного местоимения *уига* «тот внизу», «тот у моря» в форме дательно-направительного падежа (*уигаму*), а счет от «15» до «19» посредством слова *итых* «ступня» в форме относительного падежа (*итыхым*) и слова *ин'лых* «другая сторона». Слово *сигных'* «лишек» сирениковского диалекта совпадает по значению и в известной степени по форме с алеутским *сигнах'* «лишек». Различие в том, что в сирениковском диалекте это слово в сочетании с числительным употребляется не в исходной форме (абсолютный падеж), а в форме деепричастия с суффиксом *-лук*, что сближает его по оформлению с этим же словом и в том же значении из чаплинского диалекта *сипных'лэюку* «слишком» (от *сипных'* «лишек»)¹.

В гренландских диалектах (в восточном и западном) понятие перехода счета с рук на ноги выражается словами *arqaneq* «нижний» и *isikaneg* «ножной»², сочетающимися с соответствующими числительными. Посредством этих слов осуществляется счет от «11» до «15», а счет от «16» до «20» образуется посредством соединения соответствующих числительных со словом *arfersaneq*, которое может быть переведено как «процесс перехода», что и должно означать переход счета с одной ноги на другую³.

В юго-западных диалектах Аляски и в диалекте реки Макензи в количественных числительных после «10» имеются слова *сикпалык* «имеющий излишек» (Макензи) и *сиплэюку* «с лишним» (Аляска), что сближает числительные этих диалектов с числительными чаплинского диалекта, легшими в основу настоящего исследования. В науканском же (мыс Дежнева в Беринговом проливе) и гренландском числительные второго десятка и последующие выражаются посредством простого сочетания числительных единиц со словами, входящими в состав сложных числительных в качестве основных компонентов; ср. чапл. «12» — *к'улям малэ'ук сипных'лэюкык* «десяти два слишком», наук. «12» — *малэ'унын' атх'анилык* «вторым имеющий спуск», гренл. «12» — *arqaneq marluk* «нижний второй» и т. д.

«20» — *югинак'* образовалось от основы *юк* «человек» и суффикса *-ина(к')* со значением «весь, целиком, полностью». Это же слово употребляется в языке в значении «весь человек, человек полностью» по аналогии, например, с такими словами как *мыг'инак'* «вся вода, только вода» (от *мык'* «вода»), *панан'инак'* «только копьё, копьё целиком» (от *пана* «копьё») и т. п. В гренландском языке числительное «20» образуется двойным способом: а) *arfersaneq talimat* «процесс перехода пяти», что означает перевод счета с одной ноги на другую и окончание его; б) *inuk navdlugo* «человек целиком», от *inuk* «человек» и *navdlugo* «целиком», «до конца» (*navdlugo* от основы *nawa* «доводить до конца»). Таким образом, значение, которое в языке азиатских эскимосов в числительном «20» — *югинак'* выражено лексическим способом, в гренландском языке выражено грамматическим способом.

В алеутском языке, находящемся с эскимосским в известном родстве,

¹ Надо сказать, что морфологическая модель сирениковского диалекта имеет поразительное сходство, с одной стороны, с алеутским языком, с другой — с языком эскимосов острова Пунивак (окончание большинства имен на увулярный целевой *x'*, а не на увулярный смычный *k'*, как в других диалектах). Об этом будет сказано в специальной статье об эскимосско-алеутских лексических параллелях.

² Ср. этимологию этих слов у В. Таблицера, указ. соч., стр. 12.

³ См. там же, стр. 13—14.

только числительное *attaqan* «один» по своему происхождению восходит к общей эскимосской основе *ata* (ср. эск. *ata* > *atašiq*, алеут. *atta* > *attaqan*). Числительное *alax* «2» в алеутском языке восходит к основе *alax* «второй», что соответствует эскимосскому *alä* > *aläy* «другой», «второй». Числительное *šay* «5» в алеутском языке образуется от основы *šay* «рука», что в плане типологическом соответствует эскимосскому *talšik* «рука» (*talšimat* «5»). Но это типологическое сходство не является показательным, так как числительное «5» во многих языках мира восходит к основе «рука». Сходство в способе образования числительных в эскимосском и алеутском языках обнаруживается в числительных от «11» до «19», ср.: эск. «11» — *k'uläm atasiq* «сипнык' ляюку «десяти один слишком», алеут. «11» — *atim attak'an signažta* «десяти один лишек его» и т. д.¹

В связи с этим следует отметить типологическое сходство в образовании числительных второго десятка в эскимосских языках и языках чукотско-корякской группы. Известно, что эскимосский язык не является родственным чукотско-корякским языкам, однако в последних присоединение единиц к десяткам, как и в эскимосском, осуществляется посредством прибавления слова «лишний». Так, например, в чукотском числительное «11» выражается сочетанием слов *мынгиткэн ыннэн парол* «десять один лишний», при этом слово *парол* «лишний, лишек» употребляется всякий раз при присоединении единиц к десяткам. Если *мынгиткэн* «10» буквально в чукотском означает «двояручный», то *k'ликкин* «20» этимологизируется как «отнесенный к человеку» [от *k'лик* «человек» и суффикса относительных прилагательных *-кин* (*-кэн*)]. Следовательно, числительное «20» в чукотском языке восходит, как и в эскимосском, к основе «человек»². Весьма возможно, что развитие счета у отдельных палеоазиатских народов происходило при взаимном языковом влиянии в период территориальной общности в районе Камчатского п-ва, а возможно еще ранее где-либо в районах восточной Сибири. Предположение ряда ученых этнографов и археологов о том, что алеуты и эскимосы до расселения их по островам обитали на побережье Камчатки, подтверждается сходством предметов материальной культуры и элементами изобразительного искусства (см. отмеченную выше работу Биркет-Смита), поэтому их контакт с другими палеоазиатскими племенами мог, повидимому, иметь место.

Надо полагать, что в разрешении этногенетической эскимосской проблемы могут и должны сыграть положительную роль материалы языка. Огромнейшие различия в лексике алеутского и эскимосского языков свидетельствует о наличии в алеутском чужеродных элементов с одновременным сохранением эскимосской морфологической модели в построении слова. Сравнительное изучение палеоазиатских языков, включая и эскимосские, может дать ценный материал для установления древнейших языковых связей, а вместе с тем пролить свет на пути миграций эскимосских племен на север и их возможных тесных этнических, а следовательно, и языковых связей с другими племенами в палеоэскимосский период³.

Этимологии эскимосских числительных представляют собою лишь один из многих аспектов лингвистического анализа, способствующего

¹ См.: И. Вениаминов, Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка, СПб., 1846, § 58—62; В. И. Нохельсон, Унаганский (алеутский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, §§ 28, 29.

² См. В. Г. Богораза, Луораветласко-русский (чукотско-русский) словарь, М.—Л., 1937.

³ Характеристику палеоэскимосского периода см. в указанных выше трудах С. И. Руденко и Биркет-Смита.

установлению языковых и этнических связей. Но такой частный лексический анализ не может разрешить затронутого вопроса полностью. Сложный вопрос этнических связей различных эскимосских племен между собою и с иноязычными народами в древнейший период может быть разрешен в какой-то степени совместными усилиями археологов-историков, этнографов и языковедов путем всестороннего и глубокого изучения исторического прошлого не только эскимосов, но и тех народов, с которыми эскимосы могли встретиться в своем продвижении с востока на север.

О чем все же свидетельствует этимология числительных эскимосского языка? Эскимосские числительные образовались, повидимому, в палеоэскимосский период, когда носители этого языка были объединены в единый этнический коллектив родственных племен, говоривших на ряде контактирующих диалектов. В основу счета положены понятия «рука», «нога», «человек». Числительные первого десятка, а также числительные «15» и «20» образовались от именных и глагольных основ. Эти именные и глагольные основы еще задолго до образования числительных употреблялись в языке в значении самостоятельных слов. Все остальные числительные представляют собою различного рода грамматические формы и сочетания указанных выше числительных первого десятка и числительного «20» (а в науканском диалекте также числительного «15»). Различия в способах образования количественных числительных от одних и тех же основ свидетельствуют о том, что к моменту территориального дробления числительные не получили в языке всеобщего употребления, а следовательно, и единого лексико-грамматического выражения. Окончательное оформление числительных завершалось в территориальных диалектах, что и явилось причиной различия в способах их образования, в то время как основы числительных (исключая алеутский язык) остались общими. Что же касается количественных числительных алеутского языка, то они, как и вся лексика этого языка, свидетельствуют о более древнем территориальном отделении алеутов от эскимосского этнического коллектива и вероятном иноязычном влиянии на этот язык. Длительное изолированное существование алеутов на отдаленных от азиатского побережья островах еще в большей степени способствовало образованию различий между этими когда-то близко родственными языками.